

РЕВНИВЫЙ МУЖЪ.

Происшествіе необыкновенное.

Я еще видѣлъ одну свадьбу... Не понимаю, рѣшительно не понимаю, отъ-чего я такъ люблю говорить и писать о семейномъ счастіи. Вотъ ужь мнѣ-то, кажется, нѣтъ до него никакого дѣла. Порой мнѣ приходитъ въ голову, что ужь не хочу ли я самъ жениться? Но нѣтъ, кажется, совсѣмъ не похоже на то... Рѣшительно не понимаю... Вотъ и теперь, на-примѣръ, вѣдь, право, хотѣлъ-было писать о чемъ-то другомъ, а вѣдь-таки свернулъ на свадьбу... Рѣшительно ужь, знать, судьба, моя такая! — И такъ, я еще видѣлъ одну свадьбу. Но знаете ли что, господа? я ужь лучше расскажу, что было ровно черезъ годъ послѣ свадьбы. Это будетъ понятнѣе.

Но... и опять я нахожусь въ затрудненіи, потому-что вы, можетъ-быть, ужь и знаете, что было ровно черезъ годъ послѣ свадьбы — разумѣется, если вы только не забыли того счастливаго мужа, который, скоро тому минетъ годъ, дожидался на Вознесенскомъ-Мосту, тогда-какъ пріятель его, его истинный и лучшій другъ, сторожилъ чужую жену, атакуя почти разомъ съ обоихъ подъѣздовъ (такъ велико было его усердіе!) одинъ безконечно-этажный домъ близъ Вознесенскаго-Моста. Помните, онъ еще нашелъ себѣ такую безкорыстную помощь въ одномъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, который такъ интересовался подъ-конецъ его калошами и еще утверждалъ, что въ резиновыхъ калошахъ потѣетъ нога... Ну, да вы помните; а если и нѣтъ, то бѣда не велика, потому-что настоящее происшествіе — совершенно особенное и независимое отъ перваго, хотя и случилось ровно на другой день послѣ того происшествія. Осмѣлюсь еще прибавить два слова — все еще въ качествѣ предисловія: я утверждаю, что мой рассказъ совершенно-нравственный, и что мораль его — окончательное торжество добродѣтели и совершенное пораженіе ревниваго мужа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я доказываю, что ревность вообще, и по преимуществу ревность, подозрѣвающая даже самую невинность — есть порокъ, порокъ смѣшной и нелѣпый, разрушающій семейное счастіе и ввергающій даже умнаго и ученаго человѣка часто въ положенія самыя щекотливыя, самыя... какъ бы вамъ это сказать?.. ну, да вы, я надѣюсь, прищете слово, какъ только прочтете рассказъ.

Ну, такъ вотъ-съ, изволите видѣть.

Въ этотъ вечеръ шло какое-то представленіе въ Итальянской-Оперѣ. Иванъ Андреевичъ ворвался въ залу какъ бомба. Еще никогда не замѣчали въ немъ такого фигура, такой страсти къ музыкѣ. По-крайней-мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрапнуть часокъ-другой въ Итальянской-Оперѣ; даже отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; «да и примадонна-то тебѣ» говаривалъ онъ друзьямъ: «мяукаетъ, словно бѣленькая кошечка, колыбельную пѣсенку». Но онъ это уже давно что-то говаривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однакожь онъ все-таки ворвался

какъ бомба въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ взглянулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ же наклонился глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятаннаго на всякій случай кинжала. Нужно замѣтить, что въ то время процвѣтали двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ***зисты, другіе ***нисты. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры наконецъ рѣшительно стали опасаться какого-нибудь очень-рѣшительнаго проявленія любви ко всему прекрасному и высокому, совмѣщавшемуся въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ-сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго, и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго принца:

Когда ужъ старость падаетъ такъ страшно,
Что жъ юность?.. и т. д.

и, какъ было сказано выше, наклонился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облетѣлъ взглядомъ всѣ ложи втораго яруса и — о, ужасъ! сердце его замерло: она была здѣсь! она сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генералъ Половицынъ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала — чрезвычайно-ловкій молодой человѣкъ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но — о, ужасъ! статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвестности.

Она была здѣсь, а между-тѣмъ, сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-та двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагѣ Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юноша и повергъ его наконецъ въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отъ-чего бы, кажется? Случай очень-простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенеуара, и въ добавокъ предательская ложа втораго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ-что онъ, къ величайшей своей непріятности, рѣшительно ничего не могъ замѣтить, что дѣлалось надъ его головою. Зато онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, то-есть, онъ не слышалъ ни одной ноты. Говорятъ, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкальныя впечатлѣнія подъ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный — печаль; въ ушахъ Ивана Андреевича завывала цѣлая буря. Къ довершенію досады, сзади, спереди, съ боку кричали такіе страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ, актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героемъ случилось такое приключеніе, котораго никакое перо не опишетъ.

Случается, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложъ слетаетъ афишка. Когда пьеса скучна и зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключеніе. Особенно съ участіемъ смотрятъ они на полетъ этой чрезвычайно-мягкой бумаги съ самага верх-

няго яруса и находятъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ кресель, гдѣ она непременно уляжется на чью-нибудь вовсе-неприготовленную къ этому случаю голову. Дѣйствительно, очень-любопытно смотрѣть, какъ эта голова сконфузится (потому-что она непременно сконфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежатъ за-частую на бордюрахъ ложъ: мнѣ все такъ и кажется, что они вотъ тотчасъ слетятъ на чью-нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сдѣлалъ такое трагическое примѣчаніе и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыя предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у васъ есть въ домѣ, рекомендуя извѣстнаго г-на Принчипе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже и иностранныхъ.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до-сихъ-поръ еще нигдѣ неописанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно-плѣшивую — не аффишка. Признаюсь, я даже совѣщусь сказать, что къ нему слетѣло на голову, потому-что, дѣйствительно, какъ-то совѣстно объявить, что на почтенную и обнаженную, то-есть, отчасти лишенную волосъ голову ревниваго и раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, на-примѣръ, любовная раздушенная записочка. По-крайней-мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ-будто поймалъ на своей головѣ мышъ или другаго какого-нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія, въ этомъ ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски-малую форму, такъ-что ее можно было скрыть подъ дамской перчаткой. Упала же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи: какъ-нибудь спрашивали, на-примѣръ, аффишку, и ужъ записочка проворно была ввернута въ эту аффишку, уже передавалась въ извѣстныя руки, но одинъ мигъ, можетъ-быть, нечаянный толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости — и записочка выскользнула изъ маленькой, дрожавшей отъ смущенія ручки, а юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки, одну аффишку, съ которой рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Непріятный, странный случай! совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще непріятнѣе.

— *Prédestiné*¹, прошепталь онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и сжимая записочку въ рукахъ: — *prédestiné!* Пуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ: — нѣтъ, не то! Чѣмъ же я виноватъ? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало ли, что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествіемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ окостенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣренъ былъ, что его приключеніе замѣчено со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ-будто съ нимъ случилась какая-нибудь неожиданная непріят-

¹ Предопределено (франц.). — Прим. *Im Werden*.

ность, какой-нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ онъ рѣшился поднять глаза.

— Приятно пѣли-сь! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвую его сторону.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, но преимущественно выѣзжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и тотчасъ же, сдѣлавъ руками щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобъ было слышнѣе, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слышалъ подобной глотки, былъ въ восторгѣ. «Ничего не замѣтилъ!» подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади его, теперь, въ свою очередь, стоялъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложи. «Тоже хорошо!» подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумѣется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самаго непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и упавъ на спинку кресель, хохотала какъ изстуженная.

— Охъ, ужъ эти мнѣ женщины! прошепталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Не-уже-ли правъ былъ онъ въ эту минуту? Большой-Театръ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ — галерею. Почему же непременно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой-нибудь — на-примѣръ, хоть изъ пятаго яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но страсть исключительна, а ревность — самая исключительная страсть въ мірѣ.

Ревность — самая смѣшная страсть, господа! Я на этомъ стою.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталъ у лампы, сломалъ печать и прочелъ:

«Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г-вой, на углу ***скаго Переулка, въ домѣ К***, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъѣзда. Будь тамъ, sans faute², ради Бога.»

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, но сомнѣнія нѣтъ: назначалось свиданіе. «Поймать, изловить и пресѣчь зло въ самомъ началѣ» была первая идея Ивана Андреевича. Ему было-пришло въ голову изобличить теперь же, тутъ же на мѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ взбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно, онъ не зналъ, куда бѣжать. Отъ нечего-дѣлать, онъ забѣжалъ съ другой стороны и посмотрѣлъ черезъ открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Такъ, такъ! во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодья дамы и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ, даже изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому-что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ заговорѣ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ корридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было-сунулся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имена особъ, взявшихъ ложи во всѣхъ четырехъ ярусахъ,

² непременно (франц.). — Прим. ImWerden.

но касса уже была заперта. Наконецъ, раздались неистовыя восклицанія и аплодисманы. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно гремѣли съ самаго верха два голоса — предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешъ и пустился въ Г-вую, чтобъ тамъ застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного энергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро нашель домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками у него прошмыгнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лица этого самаго франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогналъ его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ отворилась дверь въ третьемъ этажѣ, и отворилась безъ звонка, какъ-будто ждали пришедшаго. Молодой человекъ промелькнулъ въ квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьяго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ-было постоять передъ дверью, благоразумно пообдумать свой шагъ, поробѣть немного и потомъ уже рѣшиться на что-нибудь очень-рѣшительное; но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ отворились двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ кряхтомъ и кашлемъ свое восшествіе въ верхній этажъ. Иванъ Андреевичъ не устоялъ, отворилъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорбленнаго мужа. На встрѣчу къ нему бросилась горничная вся въ волненіи, потомъ изъ-за перегородки явился человекъ; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ покои и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ-будто не понимая, что вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту слышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые прямо шли въ спальню: это были тѣ самые шаги, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ блѣде своего пеньюара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что не обдумалъ хорошо своего шага, что не поробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату... Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! не знаю, что ему помѣшало прямо стать на встрѣчу мужа, объявить, что попался въ просакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться — конечно, не съ большою честью, конечно, не со славою, но по-крайней-мѣрѣ уйти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ какъ мальчикъ, какъ-будто-бы считалъ себя Донъ-Хуаномъ или Ловеласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въ полномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и бессмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подѣйствовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Андреевичъ, самъ оскорбленный мужъ, или, по-крайней-мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ — можетъ-быть, боясь оскорбить его своимъ присутствіемъ. Такъ, или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно не понимая,

какъ это сдѣлалось. Но, что всего было удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиціи. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно-странный пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ охая и кряхтя, поздоровался съ женой на распѣвъ, самымъ старческимъ образомъ и свалился на кресла такъ, какъ-будто только-что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяреннаго тигра въ ягненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышонокъ передъ котомъ, едва смѣлъ дышать отъ испуга, хотя и могъ бы знать, по собственному опыту, что не всѣ оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему въ голову или отъ недостатка соображенія, или отъ другаго какого-нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобъ какъ-нибудь улечься удобнѣе. Каково же было его изумленіе, когда онъ ощупалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился, и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ...

— Кто это? шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ странный незнакомецъ. Лежите и молчите, коли попались въ просакъ!

— Однакоже...

— Молчать!

И посторонній человѣкъ (потому-что подъ кроватью довольно было и одного), посторонній человѣкъ стиснулъ въ своемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Такъ не жмите же меня, или я закричу.

— Ну-ка, закричите! попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ-быть, это былъ человѣкъ, испытавшій не разъ гоненія судьбы и не разъ находившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичокъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь била ему въ голову. Однакожъ нечего было дѣлать; нужно было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенька, былъ, началъ мужъ: — я, душенька, былъ у Павла Иваныча. Съли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи, кхи, кхи! (онъ закашлялся) такъ... кхи! такъ спина... кхи! Ну ее!.. кхи! кхи! кхи!

И старичокъ погрузился въ свой кашель.

— Спина... проговорилъ онъ наконецъ со слезами на глазахъ: — спина разболѣлась... геморрой проклятый! Ни стать, ни сѣсть... ни сѣсть! Акхи, кхи, кхи!..

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старичку, обладателю этого кашля. Старичокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего нельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвиньтесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? мѣста нѣтъ.

— Однакоже, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ-образомъ. Я еще въ первый разъ нахожусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ неприятномъ сосѣдствѣ.

— Однакоже, молодой человѣкъ...

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно-неучтиво, молодой человѣкъ...

Если не ошибаюсь, вы еще очень-молодой человѣкъ; я постарше васъ.

— Молчать!

— Милостивый государь! вы забываетесь; вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подъ кроватью...

— Но меня привлекъ сюда сюрпризъ... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! я постарше васъ, я вамъ говорю...

— Милостивый государь! знайте, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прошу васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! я ничего не разберу. Извините меня, но нѣтъ мѣста.

— Зачѣмъ же вы такой толстый?

— Боже! я никогда не былъ въ такомъ унижительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось; но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете...

— Я бы ровно ничего не думалъ объ васъ, еслибъ вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! если вы не подвинитесь, со мной будетъ ударъ. Вы будете отвѣчать за смерть мою. Увѣряю васъ... я почтенный человѣкъ, я отецъ семейства. Не могу же я быть въ такомъ положеніи!..

— Сами же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь же! вотъ вамъ мѣсто; больше нельзя!

— Благородный молодой человѣкъ! милостивый государь! я вижу, что я въ васъ ошибался, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарности за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены: — я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что же дѣлать? вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣніи мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой. Я пришелъ сюда противъ себя, увѣряю васъ; я не за тѣмъ, за чѣмъ вы думаете... Я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Молчать!

— Ну, послѣ этого согласитесь сами, милостивый государь! я заключаю, что вы не способны понимать деликатность поступковъ.

— Да замолчите ли вы? понимаете ли, что если услышать насъ, будетъ худо? Тсс... Онъ говорить. Дѣйствительно, кашель старика по-видимому начиналъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хрипѣлъ онъ на самый плачевный напѣвъ: — такъ вотъ, душенька, кхи!.. кхи! ахъ, несчастье! Ѳедосѣй-то Ивановичъ и говорить: вы бы, говорить, тысячелиственникъ пить попробовали; слышишь, душенька?

— Слышу, мой другъ.

— Ну, такъ и говорить: вы бы, говорить, попробовали тысячелиственникъ пить. Я и говорю: я пїявки припускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелиственникъ лучше: онъ открываетъ, я вамъ скажу... кхи! кхи! охъ, Боже мой! Такъ какъ ты думаешь, душенька, душенька? кхи, кхи! ахъ, Создатель мой! кхи, кхи!.. Такъ лучше тысячелиственникъ что ли?.. кхи, кхи, кхи, кхи! ахъ! кхи и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, отвѣчала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говорить, пожалуй, чахотка, кхи, кхи! А я говорю: подагра, да раздраженіе въ желудкѣ; кхи, кхи! А онъ мнѣ: можетъ-быть, и чахотка. Какъ ты, кхи, кхи! какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздѣвалась теперъ, да спать ложилась, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ: ради Бога, подвиньтесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается, ну, не можете вы спокойно лежать...

— Милостивый государь! какъ вы думаете объ вашемъ положеніи?

— Отъ-чего же только мое? ваше, конечно, не хорошо.

— Ну, я думаю, что и ваше такъ же?

— Ну, нѣтъ, я все-таки на другихъ основаніяхъ. Молчите!

— Вы ожесточены противъ меня, молодой человѣкъ; вы хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно, любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! не дамъ вамъ командовать! А, вы вѣрно любовникъ? Если насъ откроютъ, я ни въ чемъ не виновать, я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой человѣкъ, скрежеща зубами: — я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состоянїе. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! вы издѣваетесь надо мной. Вы истощаете терпѣніе мое.

— Тсс! или я васъ заставлю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я бы пролежалъ какъ-нибудь до утра, а тамъ бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу же лежать до утра; я человѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи... Какъ вы думаете, не-уже-ли эта развалина будетъ здѣсь ночевать?

— Кто такой?

— Да этотъ чахоточный...

— Разумѣется, будетъ. Не всѣ жъ такіе мужья, какъ вы. Ночуютъ и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга: — будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперъ въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человѣкъ? скажите мнѣ тотчасъ же, умоляю васъ, изъ безкорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! я употреблю насиліе...

— Но позвольте, позвольте вамъ рассказать, милостивый государь, позвольте вамъ объяснить все это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолкъ.

— Душенька! что-то здѣсь какъ-будто коты шепчутся?

— Какіе коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чемъ разговаривать съ своимъ мужемъ. Она была такъ поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какіе коты?

— Коты, душенька. Я наемни прихожу, сидитъ васька у меня въ кабинетѣ, шю, шю, шю! и шепчетъ. Я ему, что ты, васенька? а онъ опять, шю, шю, шю! И такъ, какъ-будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! ужь не смерть ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какія глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебѣ непріятно, что я умру, не сердись; я только такъ говорю. А ты бы, душенька, стала раздѣваться и спать легла, а я бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложиться будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь какъ-будто мыши.

— Ну вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я ни... кхи! я ничего, кхи, кхи, кхи, кхи! ахъ, Боже ты мой! кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхалъ, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но еслибъ вы знали, что со мной дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, но вникните въ мое положеніе; вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію... Я только интересуюсь объяснить, какимъ безсмысленнымъ образомъ...

— Тсс... онъ опять говоритъ.

— Право, душенька, шепчутся.

— Да нѣтъ же; это у тебя вата въ ушахъ дурно лежитъ.

— Ахъ, да, по поводу ваты. Знаешь ли, тутъ, наверху... кхи, кхи! наверху, кхи, кхи, кхи! и т. д.

— Наверху! прошепталъ молодой человѣкъ. — Ахъ, чортъ! А я думалъ, что это послѣдній этажъ; да развѣ это второй?

— Молодой человѣкъ, прошепталъ вострепенувшись Иванъ Андреевичъ: — что вы говорите? ради Бога, почему это васъ интересуесть? И я думалъ, что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?..

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставшій наконецъ кашлять...

— Тсс! слышите! Молчать! прошепталъ молодой человѣкъ, сдавивъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насиліи. Пустите меня.

— Тсс...

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенькую... началъ старикъ.

— Какъ хорошенькую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хорошенькую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь память слаба. Это звѣробой... кхи!

— Что?

— Звѣробой пить надо; говорятъ, лучше будетъ... кхи, кхи, кхи! лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, опять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенькую какую-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконецъ-то! экая мумія! Ну, прошепталъ молодой человѣкъ, мысленно погоня забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера!..

— Тсс.

— Да, да, да! вспомнилъ; преплутувочка такая! Глазенки такіе... въ голубой шляпкѣ...

— Въ голубой шляпкѣ! Ай, ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреевичъ...

— Она? кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.

— Тсс! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреевичъ: — онъ говорить.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Ну, да, впрочемъ, у кого жъ нѣтъ голубой шляпки... ну!

— И такая плутовка! продолжалъ старикъ. — Она тутъ къ какимъ то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаетъ. А къ тѣмъ знакомымъ тоже ходятъ знакомые...

— Фу! какъ это скучно, перебила дама: — помилуй, чѣмъ ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! не сердись! возразилъ старичокъ на распѣвъ: — ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не въ духъ сегодня...

— Да вы какъ же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ...

— А, видите, видите! вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!

— Ну, да вѣдь мнѣ все равно! не говорите, пожалуй! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!

— Молодой человѣкъ, не сердитесь; я не знаю, что говорю; это я такъ; я только хотѣлъ сказать, что тутъ, вѣрно, что-нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе...

Но кто вы, молодой человек? Я вижу, вы незнакомец; но кто же вы незнакомец? Боже, я не знаю, что говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человекъ, какъ-будто что-то обдумывая.

— Но я вамъ все расскажу, все. Вы, можетъ-быть, думаете, что я не расскажу, что я золь на васъ, нѣтъ! вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала: какъ вы здѣсь сами? по какому случаю? Что же касается до меня, то я, не сердитесь, ей-Богу не сержусь, вотъ вамъ рука моя. Здѣсь только пыльно; я немного запачкалъ ее; но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! тутъ поворотиться негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь! вы со мной обходитесь, какъ-будто, съ позволенія сказать, съ старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянія, голосомъ, въ которомъ было слышно моленье. — Обходитесь со мной учтивѣе, хоть немножко учтивѣе, и я вамъ все расскажу! А этакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человекъ! Вы не знаете... вы не знаете...

— Когда же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человекъ, очевидно въ крайнемъ волненіи. Она, можетъ-быть, ждетъ... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? кто она? Боже мой! про кого вы говорите, молодой человекъ? Вы думаете, что тамъ наверху... Боже мой! Боже мой! За что я такъ наказанъ?

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спину, въ знакъ отчаянья.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чертъ! Была не была, я вылѣзаю!..

— Милостивый государь! что вы? а я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сосѣда.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ все свое состояніе, чтобъ не подумалъ старикъ, что я любовникъ жены его.

— Но, молодой человекъ, это невозможно; это не натурально, коли дядя. Никто не повѣритъ вамъ. Этому вотъ такой маленькій ребенокъ не повѣритъ, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте же, а лежите-себѣ смирно пластомъ! Пожалуй, ночуйте здѣсь, а завтра какъ-нибудь вылѣзете; васъ никто не замѣтитъ; ужь коли одинъ вылѣзъ, такъ вѣрно не подумаютъ, что еще остался другой. Еще бы сидѣла цѣлая дюжина! Впрочемъ, вы и одинъ стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы язвите меня, молодой человекъ... А что, если я закашляюсь? Нужно все предвидѣть!..

— Тсс!..

— Молодой человекъ, еслибъ вы только знали, съ кѣмъ вы такъ говорите! Я, я... я бы простилъ васъ тогда. Я добрый! видите, я какой добрый! Отъ-чего же вы не хотите заплатить мнѣ взаимностью? Мы бы любили другъ друга. Я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ въ домъ... Боже! я не знаю, что говорю, я не имѣю нисколько понятія о чемъ говорю. О, не-уже-ли я все потерялъ? Молодой человекъ, вотъ вамъ урокъ! Взирайте на меня, я такъ же, какъ и вы, былъ во цвѣтѣ лѣтъ, такъ же безопасно протекала моя молодость, такъ же какъ и вы, срывалъ я цвѣты удовольствія, тонулъ

въ пуховикахъ наслажденія... Нѣтъ, нѣтъ, я не то говорю... Боже мой! я уже заговариваюсь... Тутъ Иванъ Андреевичъ всхлипнулъ, и изъ глазъ его покатались слезы.

— Ну, это хорошо; по-крайней-мѣрѣ, удара не будетъ, прошепталъ молодой человекъ.

— Со мною ужъ это случилось не разъ! Я еще вчера такимъ же образомъ подружился съ двумя прекрасными молодыми людьми. Подружимся! Кто намъ мѣшаетъ, хотя уже вы разъ отвергли руку мою! Я... я... Но вы, вѣрно, тотъ самый молодой человекъ, который былъ въ театрѣ?.. Скажите мнѣ ваше горе, молодой человекъ!

— Да замолчите ли вы? У меня нѣтъ горя, говорятъ вамъ. Мнѣ только нужно быть на свиданьи, здѣсь, въ третьемъ этажѣ.

— На свиданьи! Такъ я и предчувствовалъ! прошепталъ Иванъ Андреевичъ. — Ну, разите, колите разомъ: это вы или ваша дама уронила записку?

— Записку? записку? перебилъ молодой человекъ въ крайнемъ смущеніи. — Такъ это вы ее подняли?

— Боже мой! молодой человекъ! говорите мнѣ все, безъ утайки, какъ бы вы сказали отцу...

— Какой тутъ отецъ! Нѣтъ, нѣтъ, ужъ теперь позвольте... вы кто?

— А вы-то кто?

— Э! еще съ вами возня! Ну, да просто къ вамъ слетѣла записка, вы прочли и попались въ просакъ.

— Понимаю!

— Что это? какъ-будто наверху я опять слышу возню, проговорилъ старичокъ, какъ-бы проснувшись и нарушая такимъ-образомъ супружеское молчаніе.

— Наверху?

— Слышите, молодой человекъ, наверху!

— Ну, слышу!

— Боже мой! молодой человекъ! я выйду.

— А я такъ не выйду! Мнѣ все равно! Ужъ если разстроилось, такъ все равно! А все отъ-того, что вы перехватили записку! проговорилъ молодой человекъ, въ припадкѣ досады стиснувъ руку Ивана Андреевича.

— Но я развѣ зналъ, что это ваша записка? Разсудите лучше, молодой человекъ. Зачѣмъ же вы дурно ее передали? Молодой человекъ! все, объ чемъ прошу я васъ, объ чемъ умоляю, скажите мнѣ, въ которой вы ложѣ сидѣли? Ну, все равно, ужъ что бы тамъ ни было, такъ-таки просто скажите... Рѣжьте правду, молодой человекъ! Сознаніе первый признакъ раскаянія...

— О, Боже мой, Боже мой! прошепталъ молодой человекъ, внѣ себя отъ смѣха. — Какой же вы странный мужъ! Боже, какой же вы непроходимый мужъ!..

— Боже, какой цинизмъ!.. Но почему же мужъ... т. е., я не женатъ.

— Какъ, не женатъ? Дудки!

— Да! я, можетъ-быть, тоже любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо я все вамъ расскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женатъ. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства... а я любовникъ... Говорить мнѣ: «я несчастный че-

ловѣкъ, я, говоритъ, пью чашу, я подозрѣваю жену свою». Но, говорю я ему благоразумно: — за что же ты ее подозрѣваешь?.. Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! Ревность смѣшна, говорю, ревность порокъ!.. «Нѣтъ», говоритъ: «я несчастный человекъ! Я, того... чашу, то-есть, я подозрѣваю.» Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты, вмѣстѣ подъ одной буркой...

— Какъ, подъ буркой? прервалъ молодой человекъ, заливаясь отъ смѣха.

— Подъ пулями Чеченцевъ... всхлипывалъ Иванъ Андреевичъ.

— Какъ подъ пулями?.. снова прервалъ молодой человекъ.

— Ну! Когда я на Кавказъ ѣздилъ слѣдствіе дѣлать — это такъ говорится... Боже, я не знаю, что говорю. Вы все смѣетесь, молодой человекъ. Вы сдѣлаете меня сумасшедшимъ.

— Да вы и теперь сумасшедшій!..

— Такъ, такъ, я и предчувствовалъ, что вы это скажете... когда говорилъ про сумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой человекъ! Также и я процвѣталъ въ свое время, также и я соблазнялъ. Ахъ! у меня сдѣлается воспаление въ мозгу!

— А записку-то зачѣмъ вы перехватили? Какъ же вы не мужъ?

— Милостивый государь, милостивый государь! Это онъ, это другъ мой говоритъ: «поди, мой другъ, изслѣдуй, перехвати записку, когда она падать будетъ»...

— Какъ? какъ? какъ? прервалъ молодой человекъ, надрываясь отъ смѣха... — Когда падать будетъ?

— Боже мой! а я и не сообразилъ! Молодой человекъ! я...

— Ха, ха, ха!

— Я васъ проклинаяю!!!

— Ха, ха, ха!

— Что это, душенька, какъ-будто у насъ кто-то чихаетъ? пропѣлъ старичокъ: — это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Тсс! раздалось подъ кроватью.

— Это наверху, вѣрно, стучать, замѣтила жена испугавшись, потому-что подъ кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, наверху! проговорилъ мужъ. — Наверху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика — кхи, кхи! франтика съ усиками — кхи, кхи! охъ, Богъ мой — спина!.. франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы! прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человекъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь вмѣстѣ съ вами лежу! Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

— О, какой вы типъ, какой типъ!..

— А! вы вѣрно литераторъ! проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— Какъ литераторъ! Зачѣмъ?

— Да, литераторъ! Это все литераторы про типы говорятъ.

— Хи, хи, хи!

Въ это время наверху дѣйствительно послышался шумъ.

— Что бы тамъ было? прошепталъ молодой человѣкъ.
— Милостивый государь! я въ страхѣ, я въ ужасѣ. Помогите мнѣ.
— Тсс!
— Дѣйствительно, душка, шумъ; цѣлый гвалтъ поднимають. Да еще надъ твоей спальней. Не послать ли спросить...
— Ну, вотъ! чего ты не выдумаешь!
— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..
— О, Боже мой! вы бы шли спать.
— Лиза! ты меня вовсе не любишь.
— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.
— Ну, ну! я уйду.
— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! не уходите, закричала жена: — или нѣтъ, идите, идите!
— Да что это ты, въ-самомъ-дѣлѣ. То уходите, то не уходите! Кхи, кхи! А и вправду спать... кхи, кхи! У Панафидиныхъ дѣвочки... Кхи, кхи! дѣвочки... кхи! куклу я у дѣвочки видѣлъ нирембергскую, кхи, кхи...
— Ну, вотъ куклы теперь!
— Кхи, кхи! хорошая кукла, кхи, кхи!
— Онъ прощается, проговорилъ молодой человѣкъ: — онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? радуйтесь же!
— О, дай-то Богъ! дай-то Богъ!
— Это вамъ урокъ...
— Молодой человѣкъ! за что же урокъ? Я это чувствую... Но вы еще молоды; вы не можете давать мнѣ урока.
— А все-таки дамъ. Слушайте...
— Боже! я хочу чихнуть!..
— Тсс! Если вы только осмѣлитесь.
— Но что же мнѣ дѣлать? здѣсь такъ пахнетъ мышами; не могу же я, достаньте мнѣ изъ кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться... О, Боже, Боже! за что я такъ наказанъ?
— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ-знаетъ на чемъ, вы бѣгаете съ чужой запиской какъ угорѣлый, врываетесь въ чужое жилище, производите безпорядки...
— Молодой человѣкъ! я не производилъ безпорядковъ.
— Молчать!
— Молодой человѣкъ, вы не можете читать мнѣ про нравственность; я нравственнѣ васъ.
— Молчать!
— О, Боже мой! Боже мой!
— Производите безпорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ куда дѣваться отъ страха и, можетъ-быть, будетъ больна; безпокойте почтеннаго старичка, которому прежде всего нуженъ покой — а все отъ-чего? отъ-того, что вамъ вообразилось, что записка выпала изъ той ложи, гдѣ была ваша жена! Понимаете ли, понимаете ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права...

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете ли, что старикъ, который любитъ жену, можетъ съ ума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылѣзать изъ-подъ кровати? Но нѣтъ, вы неспособны сдѣлать трагедіи! Когда вы вылѣзете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захохочетъ. Я бы желалъ васъ видѣть при свѣчкахъ; должно быть, вы очень-смѣшны.

— А вы-то? вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ! Я тоже хочу посмотрѣть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! вы про нравственность! А почему вы знаете, зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой; я ошибся этажемъ. Но почему вы знаете, съ какою цѣлью я назначилъ свиданіе — а? почему вы знаете? Можетъ-быть, это бѣдная дѣвушка, на которой я хочу жениться, но не позволяютъ обстоятельства. Почему вы знаете, можетъ-быть, это цѣлый романъ, самый простой, невинный романъ?

— А зачѣмъ же вы здѣсь?..

— Да ошибкой. Чортъ знаетъ, почему меня впустили! Можетъ-быть, ждали кого-нибудь. Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую походку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ-тому же, было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старикъ.

— Нѣтъ, не старикъ; почему же старикъ? Я молодой... Я, можетъ-быть, тоже еще довольно-молодой человѣкъ.

— Ахъ, вы! Вы, батинька, только трусь порядочный, больше ничего. Вѣдь я отъ-чего не выхожу? Вы, можетъ-быть, думаете, что я боюсь выйдти? Нѣтъ, сударь, я бы ужъ давно вышелъ, да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сижу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень, какъ столбъ стоять передъ ними, вѣдь вы не найдете...

— Нѣтъ, отъ-чего же какъ пень? Отъ-чего же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ чѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отъ-чего же не найдусь? Нѣтъ, я найдусь.

— Вотъ вы и обижаетесь! А сами и выходите первый безнравственный...

— Нѣтъ, я не безнравственный; у васъ такой низкій слогъ! Почему же безнравственный? Я нравственный, я не таковъ, какъ вы думаете.

— А какъ же вы похвалились, что когда были молоды, то соблазнили дѣвицъ?

— Когда? Нѣтъ, я не говорилъ.

— Какъ не говорили? Вотъ вы и лжете.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, вы ошибаетесь. Я вамъ все расскажу; это не такъ; вы въ ужасномъ заблужденіи. Я, молодой человѣкъ, прихвастнулъ; я малодушно прихвастнулъ, чтобъ выманить вашу дружбу, для того, чтобъ вы подвинулись; но я ничего! Я не таковъ! я совсѣмъ нравственный... О, Боже мой, какъ лаеетъ эта собачонка!

— Тс! Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ... Это отъ-того, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собачонку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно, собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О, Боже мой! какая глупая собачонка! прошепталъ Иванъ Андреевичъ: — она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка: — ісі, ісі³.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Амишка все лаесть? проговорилъ старичокъ. — Тамъ вѣрно мыши, или котъ васька сидитъ. То-то я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ... А вѣдь у васьки-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошепталъ молодой человѣкъ: — не ворочайтесь! она, можетъ-быть, такъ и отстанетъ.

— Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс! — молчать!

— Но, помилуйте, молодой человѣкъ; она меня за носъ кусаетъ! Вы хотите, чтобы я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ высвободилъ свои руки. Собачка заливалась отъ лая; вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Извергъ! что вы дѣлаете? прошепталъ молодой человѣкъ: — вы губите насъ обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ ее душитъ! Не душите, пустите ее! Извергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердца женщины! Она насъ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

Но Иванъ Андреевичъ уже ничего не слыхалъ. Ему удалось поймать собачку, и въ припадкѣ самосохраненія онъ сдавилъ ей горло. Собачонка взвизгнула — и испустила духъ.

— Мы пропали! прошепталъ молодой человѣкъ.

— Амишка! Амишка! кричала дама: — Боже мой, что они дѣлаютъ съ моимъ Амишкой? Амишка! Амишка! ісі! О изверги! варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? что такое? кричалъ старичокъ, вскочивъ съ кресель: — что съ тобою, душа моя? Амишка здѣсь! Амишка, Амишка! кричалъ старичекъ щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку изъ-подъ кровати. Амишка! ісі! ісі! Не можетъ-быть, чтобы васька тамъ съѣлъ его. Нужно высѣчь ваську, мой другъ; его плута уже цѣлый мѣсяцъ не съкли. Какъ ты думаешь? Я посоветуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой? Ты поблѣднѣла, охъ! охъ! люди! люди!

И старичокъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! изверги! кричала дама, покотившись на кушетку.

— Кто? кто? кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужіе!.. тамъ, подъ кроватью! О Боже мой! Амишка! Амишка! что они съ тобой сдѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! какіе люди! Амишка... Нѣтъ, люди, люди, сюда! Кто тамъ? кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать: — кто такой? Люди, люди!..

³ сюда, сюда (франц.). — Прим. ImWerden.

Иванъ Андреевичъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ подлѣ бездыханнаго трупa Амишки. Но молодой человѣкъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ старикъ зашелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ вылѣзъ изъ-подъ кровати и пустился бѣжать, покаместъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, взглядывшись въ молодаго человѣка: — кто же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ. — Онъ виновникъ амишкиной смерти!

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человѣкъ уже исчезъ изъ комнаты.

— Ай! здѣсь кто-то есть. Здѣсь чей-то сапогъ! закричалъ мужъ, поймавъ за ногу Ивана Андреевича.

— Убійца! убійца! кричала дама: — о Ами! Ами!

— Вылѣзайте, вылѣзайте! кричалъ старикъ, топая по ковру обѣими ногами: — вылѣзайте; кто вы таковы? говорите, кто вы таковы. Боже! какой страшный человѣкъ!

— Да это разбойники!..

— Ради Бога, ради Бога! кричалъ Иванъ Андреевичъ вылѣзая: — ради Бога, ваше превосходительство, не зовите людей. Ваше превосходительство, не зовите людей! это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!.. Я не такой человѣкъ! Я самъ-по-себѣ... Ваше превосходительство, это случилось по ошибкѣ! Я вамъ сейчасъ объясню, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, рыдая и всхлипывая. Это все жена, то есть, не моя жена, а чужая жена, — я не женатъ, я такъ... Это мой другъ и товарищъ дѣтства...

— Какой товарищъ дѣтства! кричалъ старикъ, топая ногами: — это вы лжете все, что товарищъ дѣтства. А вы воръ, пришли обокрасть...

— Нѣтъ, не воръ, ваше превосходительство; я только нечаянно ошибся, попалъ съ другаго подѣзда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, изъ какого подѣзда вы вылѣзли.

— Ваше превосходительство! Я не такой человѣкъ. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы въ жестокомъ заблужденіи, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что я не могу быть воромъ. Ваше превосходительство! ваше превосходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ, складывая руки и обращаясь къ молодой дамѣ: — вы дама, поймите меня... Это я умертвилъ Амишку... Но я не виноватъ, я, ей-Богу, не виноватъ... Это все жена виновата. Я несчастный человѣкъ, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое же мнѣ дѣло, что вы выпили чашу; можетъ-быть, вы и не одну чашу выпили — оно и видно; но какъ же вы зашли сюда, милостивый государь? кричалъ старикъ, весь дрожа отъ волненія, но дѣйствительно удостовѣрившись по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что Иванъ Андреевичъ не можетъ быть воромъ. — Я васъ спрашиваю: какъ вы зашли сюда? Вы какъ разбойникъ...

— Не разбойникъ, ваше превосходительство. Я только съ другаго подѣзда; право, не разбойникъ! Это все отъ-того, что я ревнивъ. Я вамъ все расскажу, ваше превос-

ходительство, откровенно расскажу, какъ отцу родному, потому-что вы въ такихъ лѣтахъ, что я могу принять васъ за отца.

— Какъ въ такихъ лѣтахъ?

— Ваше превосходительство! Я, можетъ-быть, васъ оскорбилъ? Дѣйствительно, такая молодая дама... и ваши лѣта... пріятно видѣть ваше превосходительство, дѣйствительно, пріятно видѣть такое супружество... въ цвѣтѣ лѣтъ... Но не зовите людей... ради Бога, не зовите людей... люди только будутъ смѣяться... я ихъ знаю... То-есть, я не хочу этимъ сказать, что я знакомъ съ одними лакеями — у меня тоже есть лакеи, ваше превосходительство, и все смѣются... ослы! ваше сіятельство... Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю съ княземъ...

— Нѣтъ, не съ княземъ, да и не съ превосходительствомъ, милостивый государь; я, милостивый государь, самъ-по-себѣ; не съ княземъ... Пожалуйста, меня не забривайте вашимъ сіятельствомъ да превосходительствомъ. Какъ вы попали сюда, милостивый государь? какъ вы попали?

— Ваше сіятельство, то-есть, ваше превосходительство... извините, я думалъ, что вы ваше сіятельство. Я осмотрѣлся... я обманулся — это случается. Вы такъ похожи на князя Короткоухова, котораго я имѣлъ честь видѣть у моего знакомаго, господина Пузырева... Видите, я тоже знакомъ съ князьями, тоже видѣлъ князя у моего знакомаго: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не воръ. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете людей, что жъ изъ этого выйдетъ?

— Но какъ вы сюда попали? закричала дама: — кто вы таковы?

— Да, кто вы таковы? подхватилъ мужъ: — а я-то, душенька, думаю, что это васька у насъ подъ кроватью сидитъ... А это онъ. Ахъ ты, потаскунъ, потаскунъ!.. Кто вы такой? Говорите же!

И старичокъ снова затопалъ по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамѣстъ вы кончите... Внимаю вашимъ остроумнымъ шуткамъ. Что же касается до меня, то это смѣшная исторія, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу. Это можетъ все и безъ того объясниться, то-есть, я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! поступите со мной благороднымъ образомъ... Это ничего, что я посидѣлъ подъ кроватью... я не потерялъ этимъ своей важности. Я думаю такъ! Это исторія самая комическая, ваше превосходительство. Особенно вы, ваше превосходительство! вскричалъ Иванъ Андреевичъ, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ супругѣ: — особенно вы, ваше превосходительство, будете смѣяться! Вы увидите на сценѣ ревниваго мужа. Вы видите, я унижаюсь, я самъ добровольно унижаюсь. Конечно, я умертвилъ Амишку, но... Боже мой, я не знаю, что говорю!

— Но какъ же, какъ вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою... Виновать! я виновать! простите меня, ваше превосходительство! Униженно прошу извиненія! Я только оскорбленный мужъ, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтобъ я былъ любовникъ; я не любовникъ! Ваша супруга очень-добродѣтельна, если осмѣлюсь такъ выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? что? что вы осмѣливаетесь говорить? закричалъ старикъ, снова затопавъ ногами. — Съ ума вы сошли что ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Амишку! кричала супруга, заливаясь слезами. — И онъ еще смѣеть!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ: — я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я бы подаль вамъ руку, но я не смѣю подать ее... Я былъ не одинъ, я дядя... т. е. я хочу сказать, что меня нельзя принять за любовника... Боже! я опять завираюсь... Не обижайтесь, ваше превосходительство, кричалъ Иванъ Андреевичъ супругъ. Вы дама, вы понимаете, что такое любовь это тонкое чувство... Но что я? опять завираюсь! т. е. я хочу сказать, что я старикъ — т. е. пожилой человѣкъ, а не старикъ — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, т. е. Ловелась... я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу, только немного ошибся, сказавъ Робинзонъ вмѣсто Ловеласа: — любовникъ, я хочу сказать, это герой, который лѣзетъ по шелковой лѣстницѣ, а героиня своими голыми руками поддерживаетъ. А я не похожъ на это!.. Вы смѣтаетесь, ваше превосходительство! Радъ, радъ, что спровоцировалъ смѣхъ вашъ, ваше превосходительство... Видите, я употребляю французскія выраженія; я образованный человѣкъ, ваше превосходительство, я не могу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете. О, какъ я радъ, что спровоцировалъ смѣхъ вашъ!

— Боже мой! какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, такой запачканный, странный! заговорилъ старикъ, въ радости, что засмѣялась жена. — Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно странно! дѣйствительно странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подъ кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо Ринальдини нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Этакая шерсть длинная, ножки коротенькія, двухъ шаговъ пройти не умѣетъ; побѣжить, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непременно ее принесу.

— Ха, ха, ха, ха, ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ отъ смѣха. — Боже мой, со мной сдѣлается истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! ха, ха, ха! кхи, кхи, кхи! смѣшной, запачканный такой, кхи, кхи, кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, но теперь открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее...

— Жена, его жена! кричала дама со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Онъ женатъ! не-уже-ли? Вотъ бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена, и она всему виновата, т. е. это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе — здѣсь наверху; я перехватилъ записку, ошибся этажемъ и пролежалъ подъ кроватью...

— Хе, хе, хе, хе!

— Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха, ха! захохоталъ наконецъ Иванъ Андреевичъ. — О, какъ я счастливъ! о, какъ умилительно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь непременно такъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха, кхи, кхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ наконецъ старикъ, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! Кто?

— Это та хорошенькая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та; я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать. — Бѣгите, ступайте на верхъ. Можетъ-быть, вы ихъ застанете...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣ. Она теперь дома! А это я! Я только ревнивъ и болѣе ничего... Какъ вы думаете, не-уже-ли я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха!

— Хи, хи, хи! Кхи, кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ прійдите рассказать, кричала дама: — или нѣтъ: лучше завтра утромъ, да приведите и ее, я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непременно приведу; очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего приносите!

— Принесу, ваше превосходительство, непременно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому-что уже-было раскланялся и вышелъ. — Непременно принесу. Такая хорошенькая! точно ее кондиторъ изъ конфетовъ сдѣлалъ. И такая: поидетъ — въ собственной шерсти запутается и упадетъ. Такая, право! Я еще женѣ говорю: «что это, душечка, она все падаетъ?» — «Да, миленькая такая!» говоритъ, изъ сахару, ваше превосходительство, ей-Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство, очень, очень-радъ познакомиться, очень-радъ познакомиться!

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! Милостивый государь! Пойдите, воротитесь опять! закричалъ старичокъ вслѣдъ уходившему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я вотъ васьки-кота все не отъищу. Не встрѣчались ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство; очень-радъ познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперъ насморкъ и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо высѣчь!

— Да, ваше превосходительство, конечно, исправительныя наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?!

— Я говорю, что исправительныя наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!.. ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только объ этомъ.

Вышедъ на улицу, Иванъ Андреевичъ стоялъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ-будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба, зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково же было его изумленіе, когда дома онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно пріѣхала изъ театра, уже давно какъ у ней разболѣлись зубы, какъ послала за докторомъ, какъ послала за пьядками, и какъ она теперъ лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударилъ себя сначала по лбу, потомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы проводите время? Посмотрите, на кого вы похожи. На васъ лица нѣтъ! Гдѣ это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умираетъ, а васъ не съищутъ по городу. Гдѣ вы были? Ужъ не опять ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ? Скоро пальцами указывать будутъ!

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервать начатую рѣчь, затѣмъ, что не доставало ни словъ, ни мысли, ни духа... Каково же было его изумленіе, страхъ, ужась, когда, вмѣстѣ съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Амишка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вылѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Амишку въ припадкѣ безотчетнаго страха, въ карманъ, съ отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга: — мертвая собачонка! Боже! Откуда... Что это вы?.. Гдѣ вы были? Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?..

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Амишки: — душечка...

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя — до другаго раза, потому-что здѣсь начинается совершенно-особое и новое приключеніе. Когда-нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: ревность, господа, — несчастіе!..